

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Данная статья посвящена рассмотрению конституционно-правовых принципов ограничения прав и свобод личности, которые содержатся в международных актах и конституционных нормах Республики Беларусь. Сделан вывод о наличии непосредственной взаимосвязи между соблюдением принципов ограничения прав и свобод личности и установлением пределов такого ограничения. Наличие пределов ограничения прав и свобод, сформированных на основе конституционно-правовых принципов, является показателем соблюдения прав человека в правовом государстве.

A. A. SHKROBAT

CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AND LIMITS OF HUMAN RIGHTS RESTRICTION

This article is devoted to formulation and description of the Constitutional legal principles of Human Rights limits, contained in International Acts and Constitutional provisions of the Republic of Belarus. The conclusion about availability of direct binding between compliance with the legal principles of limiting of human rights and setting borders of such limitation was made. Existence of limits of restriction of Human Rights created on the basis of constitutional legal principles is an indicator of respect for Human Rights in the constitutional state.

ШКРОБОТ

Артем Александрович,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, капитан милиции

Введение

В науке и практике Республики Беларусь и стран ближнего зарубежья не выработано единого подхода к конституционно-правовым принципам ограничения прав и свобод личности. В литературе больше принято говорить об обеспечении соблюдения прав или о гарантиях, но не об их ограничении. Мы обозначим конституционно-правовые принципы, напрямую связанные с ограничением прав и свобод личности, которые хотя и основаны на нормах конституционного и международного права, но не всегда воспринимаются как самостоятельные и целостные нормы. Статья 8 Конституции Республики Беларусь гласит, что государство признает приоритет общепризнанных принципов международного права [1]. Это означает, что такие принципы должны стать своеобразным эталоном при ограничении прав и свобод личности и должны быть учтены в правотворчестве.

Основная часть

Под принципами ограничения прав и свобод человека и гражданина мы понимаем обусловленную закономерностями общественного развития систему идей и взглядов, которые приобретают качество исходных начал в исследовании проблем ограничения прав и свобод человека и гражданина [2, с. 45]. Такого рода исходные начала основаны на правовых требованиях в сфере ограничения прав и свобод личности, которые связаны как с правовым статусом личности, так и с общей правотворческой деятельностью государства. Принципы могут быть напрямую закреплены в правовых нормах или подразумеваться в контексте общих положений о праве.

Соблюдение принципов в праве является обязательным. Любая попытка игнорировать принцип, обосновать различного рода исключения приводит к нарушению или умалению прав и свобод граждан. Крайне прагматический подход к правовым принципам недопустим, в правовом государстве не должно быть норм позитивного права, которые противоречат конституционно-правовым принципам. Политическая целесообразность применения права и прагматическое отношение к праву противоречат самой идее правового государства и развивают в обществе правовой нигилизм.

Первым рассматривается **принцип законности при ограничении прав и свобод личности**. Он предполагает, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом как нормативным правовым актом общего применения. Применение ограничений прав и свобод, не предусмотренных позитивным правом, будет нарушать принцип законности. Данный принцип так или иначе присутствует во множестве статей различного рода актов, но основные его положения содержатся в п. 2 ст. 29 и ст. 11 Всеобщей Декларации прав человека, п. 1 ст. 9, п. 3 ст. 12, ст. 15, ст. 17, п. 3 ст. 18, п. 3 ст. 19, ст. 21 и ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 4 и 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 7, 9–12 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, ст. 23, 25, 28, 29 и 34 Конституции Республики Беларусь.

Статья 23 Конституции посвящена ограничению прав и свобод личности, такое ограничение допускается только в случаях, предусмотренных законом [1]. Формулировки

норм, которые используются в Конституции, говорят нам о различии в употреблении понятия «закон» и «законодательные акты». Законодательные акты являются более широким понятием, которое включает саму Конституцию, законы, декреты и указы Президента. Ограничение прав и свобод граждан является исключительной прерогативой регулирования законом, что видно из смысла ст. 97 и 101 Конституции. В первом случае указан перечень наиболее важных общественных отношений, которые регулируются законами, а во втором случае указан перечень полномочий, которые не допускается делегировать Президенту, среди которых присутствует ограничение прав и свобод, но такое исключение не распространяется временные декреты Президента.

С нашей точки зрения, порядок ограничения прав и свобод личности, предусмотренный Международным пактом о гражданских и политических правах и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, предусматривает возможность ограничения прав и свобод только законом и никакими иными законодательными актами. В пункте В. 15 Сиракузских принципов толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах содержится положение, что ни одно ограничение осуществления прав человека не вводится иначе, как в соответствии с национальным законом общего применения (в англ. оригинале – *by national law of general application*) [3]. Схожая норма содержится в п. 48 Лимбургских принципов осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1986). В ней сказано, что ограничение осуществления экономических, социальных и культурных прав не вводится иначе, как в соответствии с национальным законом общего применения, который не противоречит Пакту и действует в момент введения ограничения [4]. В данном случае однозначно имеется в виду закон как нормативный правовой акт, изданный соответствующим представительным законодательным органом государства.

Вторым по счету, но не по значимости является **принцип недопустимости ограничения абсолютных прав и свобод личности**. Данный принцип содержится в п. 2 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 1 ст. 35 Конвенции СНГ об основных правах и свободах человека и в ст. 63 Конституции Республики Беларусь. Под абсолютными правами человека в данном случае мы понимаем такие неотъемлемые естественные права, лишение и ограничение которых не допустимо ни при каких условиях, даже в исключительных случаях при чрезвычайном и военном положении.

Так, С. Е. Данилюк указывает, что права и свободы человека и гражданина, которые не подлежат законодательному ограничению, относятся к категории неотъемлемых (неотчуждаемых), присущих каждому от рождения, и именуется в науке конституционного права абсолютными правами и свободами [5, с. 156]. Эти права признаются абсолютными ввиду того, что они являются пределом ограничения прав и свобод, за который государство не может выходить в ограничении права. Многие относят к неотъемлемым большинство личных естественных прав

человека, но мы полагаем, что нельзя считать действительно неотъемлемыми права и свободы, которые можно ограничить законом или не соблюдать в период чрезвычайного или военного положения. Абсолютность проявляется как раз в невозможности ограничить или лишить права в любых условиях. По мнению А. А. Перевезрева, установление круга тех прав и свобод, которые вообще не могут быть подвергнуты ограничениям, является одним из пределов ограничения прав и свобод личности. Ориентиром таким пределам служит перечень прав и свобод, которые невозможно ограничивать ни при каких обстоятельствах [6, с.85].

Источником данного принципа является норма, указанная в п. 2 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах. Она содержит предел возможного ограничения права в виде полного запрета на пытки, жестокое, бесчеловечное либо унижающее достоинство обращение или наказание, на то, чтобы подвергаться без согласия медицинским и иным опытам, игнорировать действие презумпции невиновности и свободы совести, запрет на содержание в рабстве и подневольном состоянии и на лишение свободы в случае невыполнения договорных обязательств, а также гарантию признания правосубъектности вне зависимости от местонахождения и неприменения обратной силы уголовного закона. Право на жизнь человека может являться неотъемлемым правом, если государство взяло на себя обязательство по отмене смертной казни, Международный билль о правах не запрещает применение смертной казни.

Статья 63 Конституции гласит, что осуществление конституционных прав и свобод личности может быть приостановлено только в условиях чрезвычайного или военного положения, в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом. Часть вторая данной статьи указывает, что при осуществлении особых мер в период чрезвычайного положения не могут ограничиваться права, предусмотренные в ст. 24, ч. 3 ст. 25, ст. 26 и 31 Конституции. Часть вторая данной статьи по своей сути является нормой, содержащей предел ограничения для деятельности государства. Нельзя отступить от обеспечения (приостановить осуществление) указанных в статье прав, но только в период чрезвычайного положения. В законодательстве Республики Беларусь военное и чрезвычайное положение являются совершенно разными явлениями и регулируются отдельно, о чем и фактически указано в ч. 1 ст. 63 Конституции. Получается, что формально в период военного положения юридически возможно не соблюдать права граждан на жизнь, гарантии в виде запрета на пытки, жестокое, бесчеловечное либо унижающее достоинство обращение или наказание, на то, чтобы подвергаться без согласия медицинским и иным опытам, игнорировать действие презумпции невиновности и свободы совести. Если обратиться к Международному пакту о гражданских и политических правах, то он в ст. 4 говорит нам о «чрезвычайном положении в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется». В данном случае под чрезвычайным положением имеется в виду широкое понятие, которое включает случаи как чрезвычайного, так и военного положения. Отличие положений Конституции

Республики Беларусь и Международного пакта о гражданских и политических правах проявляется в перечне прав и свобод, от которых можно «отступить» или действие которых «приостанавливать». Конституция Республики Беларусь не содержит следующих гарантий неотступления во время чрезвычайного положения: 1) запрета на содержание в рабстве и подневольном состоянии; 2) запрета на лишение свободы в случае невыполнения договорных обязательств; 3) гарантию признания правосубъектности вне зависимости от местонахождения.

Аналогичная ситуация и в сравнении с нормами Конвенции СНГ об основных правах и свободах человека, нормы которой в части отступления от обязательств по обеспечению прав и свобод практически аналогичны нормам Международного пакта, а в некоторых случаях даже более подробно описаны. Так, в п. 1 ст. 35 Конвенции СНГ указано, что отступления возможны в период войны и иного чрезвычайного положения, а гарантии п. 2 распространяются в том числе на военное положение [7]. Невозможность ограничения абсолютных прав и свобод человека должна быть в полной мере отражена в национальном законодательстве, в первую очередь в конституционном.

Далее рассмотрим **принцип целенаправленности ограничения прав и свобод личности**. Данный принцип предусмотрен ст. 23 Конституции Республики Беларусь. Конституция содержит исчерпывающий перечень оснований ограничения прав и свобод личности, права могут быть ограничены в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Любой закон, ограничивающий права и свободы личности, должен соответствовать одной из вышеперечисленных целей. Вышеуказанный принцип С. Е. Данилюк формулирует как принцип целенаправленности (целевого назначения) ограничения прав и свобод [5, с. 160]. Обоснованность ограничений прав и свобод состоит в соответствии устанавливаемых ограничений исчерпывающему перечню содержащихся в Конституции целей, которые являются направлениями для обоснования ограничения прав и свобод личности.

Ограничение прав и свобод в целях национальной безопасности с точки зрения международного права возможно для защиты существования государства, его территориальной целостности или политической независимости от применения силы или угрозы ее применения. Интерес национальной безопасности охватывает государство целиком, такая цель не может применяться для мер по предотвращению угрозы отдельным элементам правопорядка государства. Национальная безопасность не может быть основанием нарушения прав человека, а также оправданием подавления сопротивления населением нарушению прав человека. Национальная безопасность связана с государством как действующей организацией, а не с конкретными лицами, стоящими у власти в определенный период времени.

Общественным порядком является состояние, обеспечивающее жизнедеятельность общества и соблюдение принципов, на которых это общество основано, а также защиту против угрозы для безопасности людей, их жизни

или физического здоровья, а также против причинения серьезного ущерба их имуществу.

Защита нравственности как основание для ограничения прав и свобод уместно, когда принимаемое ограничение является исключительно важным для поддержания основополагающих ценностей общества. Категория нравственности может отличаться в различных государствах и обществах, различия могут быть связаны с религией и традициями, поэтому такие ограничения могут существенно отличаться в разных странах мира.

Защита здоровья населения является основанием для ограничения определенных прав в случаях, когда необходимо принять меры по устранению серьезной угрозы здоровью населения или отдельных лиц, для предотвращения заболеваний или угроз физическому здоровью.

Соблюдение прав и свобод других лиц может служить основанием для ограничения прав и свобод личности в случаях, когда необходимо обеспечить такие права всем гражданам. В случае если нарушены конкретные права отдельных лиц, нарушитель должен привлекаться к юридической ответственности с созданием условий и возможностей восстановления нарушенного права и возмещения ущерба. При всеобщем равноправии граждан и соблюдении данного принципа ограничение прав и свобод как основание для обеспечения его соблюдения не может носить дискриминационный характер.

Обратим внимание на **принцип справедливости и соразмерности ограничения прав и свобод личности**. Данный принцип закреплен в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека в положении об исключительности и справедливости устанавливаемых ограничений. На этот принцип обращает внимание Конституционный Суд Республики Беларусь, отмечая в одном из заключений, что степень любого ограничения права должна быть строго соразмерна потребностям или высшим интересам, ради которых вводится ограничение [8].

Сущность данного принципа состоит в том, что при разработке и применении законодательного ограничения государство не должно ограничивать права и свободы более, чем того требует достижение цели, в связи с которой вводится ограничение. Нарушение этого принципа может проявляться в использовании чрезмерных наказаний, за правонарушение, общественная опасность которых или вред которых малы и незначительны; в создании сложной системы разрешения пользования правом, в реальных условиях которой фактическое пользование правом зависит от решения власти (как правило исполнительной) и либо крайне затруднено, либо недоступно совсем. Действие принципа проявляется в соотношении характера общественной опасности и реакции на данную опасность со стороны государства. Принцип может соблюдаться как в виде установления системы ограничения прав и свобод, так и в виде частного регулирования конкретного общественного отношения. Примерами системности соблюдения принципа могут являться категории преступлений в соотношении с видами и размерами возможного наказания, возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий как формы ограничения прав и свобод только для проверки информации о преступлениях, увеличенные сроки задержания и со-

держания под стражей в уголовном процессе при расследовании наиболее общественно-опасных преступлений и т. д. Регулирование какого-либо общественного отношения может быть несправедливо отнесено к той части правовой системы, которая несоразмерно реагирует на общественную опасность. Примером этого может служить криминализация заведомо не несущих серьезной общественной опасности деяний.

Следующий принцип напрямую отсутствует в Конституции Республики Беларусь, однако содержится во всех документах Международного билля о правах и вытекает из сути ст. 1 и 2 Конституции. Это **принцип необходимости ограничения прав и свобод личности в демократическом обществе**. Он содержится в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 14, ст. 21 и п. 2 ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 4 и 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Как было сказано выше, он присутствует во всех нормах международного права, касающихся ограничений прав и свобод, вводимое ограничение прав и свобод человека должно быть необходимо в демократическом обществе. Причем выражение в «демократическом обществе», согласно Сиракузским принципам толкования ограничений и отступлений, «толкуется в смысле введения дополнительного условия для применения ограничений» [3]. Государство, вводящее ограничения, обязано продемонстрировать, что эти ограничения не препятствуют демократическому функционированию общества. Хотя единой модели демократического общества не существует, общество, которое признает и уважает права человека, провозглашенные в Уставе Организации Объединенных Наций и во Всеобщей декларации прав человека, можно рассматривать как соответствующее данному определению [3].

Критерий необходимости в демократическом обществе, считает С. Е. Данилюк, означает наличие безусловной объективной потребности правоограничений, социальная надобность ограничительных мер должна быть очевидна для массового сознания как проблема, вызывающая серьезную общественную озабоченность [5, с. 157–158]. Уважение прав и свобод человека в демократическом обществе само по себе сдерживает возможные ограничения права со стороны государства. Мы считаем, что сущность принципа необходимости состоит в том, что ограничение прав и свобод личности должно происходить только тогда, когда иным путем достичь поставленной цели (описаны выше) невозможным. В этом проявляется суть критерия исключительности, указанного в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека. Для достижения целей, в соответствии с которыми могут ограничиваться права, у государства есть обширный инструментарий таких мер, как перераспределение финансирования государственных расходов, проведение общественных обсуждений или встреч с конкретной целевой группой граждан, усиление агитационной и пропагандистской работы, выработка целевых правовых стимулов и условий и т. д. Отсутствие данной цели видно не только в Конституции, но и в таких актах, как Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором единственной необходимостью является «не-

обходимость выполнения задач оперативно-розыскной деятельности», суть которой состоит в ограничении прав и свобод человека, в первую очередь во вмешательстве в личную и семейную тайну. Обоснованность принятия решения об ограничении права и необходимость ограничения – это разные вещи, даже при наличии оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия необходимость определяется возможностью достижения конституционных целей ограничений прав и свобод без фактического их ограничения.

Принцип равенства при ограничении прав и свобод личности содержится в ст. 7 Всеобщей Декларации прав человека, п. 1 ст. 4, ст. 24–26 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В первом случае это недопустимость ограничений прав и свобод по дискриминационным основаниям, касающимся категорий лиц, на которых направлены ограничения. Дискриминация – это заведомо предвзятое и несправедливое отношение к группе людей по какому бы то ни было признаку, как-то расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. В настоящее время в законодательстве государств мира редко можно встретить законодательные нормы, предусматривающие дискриминацию, особенно по признаку расы. Никто не пытается закреплять неравенство на законодательном уровне, но это не значит, что дискриминация не осуществляется с помощью административных барьеров, которые устанавливает исполнительная власть, что может проявляться в невыдаче разного рода разрешений, отказа в регистрации политических партий, общественных объединений, религиозных групп и т. д. Но с точки зрения права такая дискриминация связана с невыполнением закона, а не с его дискриминационным характером. В то же время законная дискриминация сейчас больше связана с экономическими и социальными правами. Маастрихтские руководящие принципы, касающиеся нарушений экономических, социальных и культурных прав (1997), указывают, что создание государством правовых норм, которые имеют целью или следствием ослабление или сведение на нет равного пользования экономическими, социальными и культурными правами или их осуществления, является нарушением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [9]. В данном случае имеется в виду нарушение как попытка выделения социальной группы, которая не может пользоваться обычно предоставляемыми членам общества благами, гарантиями и льготами, гарантированными государством, в том числе в виде экономической дискриминации. Выделение дополнительных привилегий какой-то социальной группе не означает ограничения в правах всех иных, поэтому не может рассматриваться как нарушение данного принципа. Фактическая дискриминация, не предусмотренная законом, является нарушением права и нарушает в первую очередь принцип законности ограничений прав и свобод.

Другая сторона принципа равенства – это единообразный подход в регулировании общественных отношений

и соответственно в ограничении прав и свобод. Один и тот же объект правовой защиты должен охраняться государством единообразно. Возможности ограничения прав и свобод должны быть схожи и едины, недопустимо наличие различных условий, при которых возможно ограничивать права и свободы в обход обычно действующей правовой процедуры, как и не должно быть правовых пробелов, позволяющих действовать таким образом. Нарушением принципа будет являться даже деятельность по фактическому ограничению в рамках позитивного права при использовании его недостатков и пробелов с целью ограничения прав и свобод.

Следующим рассмотрим **принцип недопустимости уничтожения и умаления прав и свобод личности**. Данный принцип содержится в ст. 30 Всеобщей декларации прав человека, ст. 5 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 5 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Данный принцип и сформировавшая его норма обделены вниманием со стороны ученых, говорить об умалении или уничтожении прав и свобод личности не всегда целесообразно из политических и идеологических соображений. Однако присутствие таких категорий в международном праве порождает необходимость их правильного понимания и применения.

В юриспруденции нет однозначного отношения к категории умаления прав и свобод. Под умалением прав Б. С. Эбзеев понимает «уменьшение материального содержания основных прав, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю, минимизация гарантий основных прав, в том числе в результате государственного предпочтения одной группы прав (или отдельных прав) в ущерб другой группе прав (другим правам), тогда как все права и свободы человека и гражданина в силу Конституции должны находиться под равной правовой защитой [10, с. 231–232]. Мы не согласны с таким содержанием данной категории, в такой трактовке данное явление будет ближе к дискриминации, чем к умалению. Умаление прав и свобод наряду с отрицанием и отменой прав и свобод Е. Ш. Рассолова включает в категорию неправомерных ограничений прав и свобод, и определяет умаление прав и свобод как неправомерное ограничение прав и свобод человека и гражданина, выражающееся в снижении значимости прав человека, изменении не количественных, а качественных характеристик права, принижение критериального и регулятивного значения для законодательства основного содержания прав человека [11, с. 110]. По нашему мнению, исходя из смысла положений Международного билля о правах, умалением является сознательная деятельность по произвольному фактическому обеспечению объема права в меньшем объеме, чем это предусмотрено международным правом и Конституцией. Категория умаления связана с заведомо усеченным толкованием права со стороны государства, с возможностью последующего закрепления в позитивном праве. Это подтверждается терминологией об умалении в п. 57 Лимбургских принципов осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [4]. Умаление всегда идет как отдельная категория от ограничения прав и свобод

и носит негативный характер, умаление прав и свобод запрещено. По нашему мнению, умаление имеет место в случаях, когда фактически позитивным правом вводится своеобразное «неправовое ограничение», которое формально не является нарушением, так как содержится в законе, но противоречит общеправовым принципам. Умаление представляет собой некоторую форму сознательно произвольного уменьшительного толкования объема права, закрепленную законодателем. Многие ученые согласны с тем, что умаление и ограничение являются разными категориями [12, с. 20]. Отдельные авторы пишут, что под умалением следует рассматривать нарушение также пределов ограничения [13]. Мы частично согласны с данным утверждением, так как считаем, что именно принципы ограничения прав и свобод образуют пределы ограничения прав и свобод, несоблюдение принципа в любом случае является нарушением предела ограничения, но это приводит к нарушению права. Мы отождествляем умаление с «ущемлением» прав и свобод, такое понятие содержится в Европейской конвенции по правам человека. В праве используются такие категории, как отмена и отрицание прав и свобод. Они действительно существуют в Конституции Российской Федерации, но не упоминаются ни в Международном билле о правах человека, ни в Европейской конвенции по правам человека, ни в Конституции Республики Беларусь, поэтому мы не считаем, что данные категории являются самостоятельными, выходящими за пределы нарушения или умаления прав и свобод. Международное право и, в частности Всеобщая декларация прав человека, использует понятие «уничтожение прав», под который мы понимаем принятие государством норм, отменяющих ранее признаваемые права и свободы, но такого рода отмена или непризнание являются неисполнением взятых на себя государством обязательств по обеспечению прав и свобод и могут быть отождествлены с нарушением прав.

Отсутствие адекватного решения вопроса о пределах ограничения прав и свобод личности в законодательстве может привести и приводит к тому, что правомерное с точки зрения материального (целевого) критерия допустимости ограничение в силу его чрезмерности или неадекватности способа приведет к умалению или отмене субъективного права [6, с. 82].

Заключение

На основании вышесказанного, под пределами ограничения прав и свобод мы будем понимать границы, установленные международным и конституционным правом, за которые не может выходить государство и его органы в деятельности по ограничению прав и свобод человека, проявляющиеся в виде соблюдения принципов ограничения прав и свобод человека.

Принципы ограничений прав и свобод непосредственно связаны с действующими нормами международного и конституционного права. При этом могут носить разрозненный характер, нормы, связанные с принципами, могут содержаться в различных статьях и носить бланкетный характер. Для истинного ограничения прав и свобод в правовом государстве необходимо строгое соблюдение сразу всех вышеописанных принципов, со-

вокупность которых образует пределы ограничений прав и свобод, за которые не может выходить государство в своей деятельности по ограничению прав и свобод. Несоблюдение принципов приводит к умалению и нарушению прав и свобод человека. Принципы действуют в отношении государства, его органов и должностных лиц, так как деятельность по ограничению прав и свобод является прерогативой государства.

Вместе с тем пределы ограничения прав и свобод личности не являются очевидными, порой весьма сложно сделать однозначный вывод о возможном нарушении такого предела. Это подтверждает позиция В. В. Подгруши, которая указывает, что конституционные нормы не оговаривают случаи (условия), пределы (степень) пространственные либо временные границы) ограничений прав и свобод личности, а лишь определяются указанными в Конституции целями и требованием установления таких ограничений законом [14, с. 35]. Конституционный контроль предполагает соотнесение устанавливаемых законом или используемых ограничений с принципами ограничений прав и свобод личности.

Подводя итоги, укажем все сформулированные нами принципы ограничения прав и свобод и основные проблемы, связанные с их применением: 1) принцип законности при ограничении прав и свобод личности; 2) принцип недопустимости ограничения абсолютных прав и свобод личности; 3) принцип целенаправленности ограничения прав и свобод личности; 4) принцип справедливости и соразмерности ограничения прав и свобод личности; 5) принцип необходимости ограничения прав и свобод личности в демократическом обществе; 6) принцип равенства при ограничении прав и свобод личности; 7) принцип недопустимости уничтожения и умаления прав и свобод личности.

В первом принципе под законом с точки зрения международного права имеется в виду национальный закон общего применения как нормативный правовой акт, при-

нятый представительным законодательным органом государства.

Перечень абсолютных прав человека, ограничение которых невозможно с точки зрения международного права, содержащийся в конституции, должен полностью совпадать с таким перечнем в Международном билле о правах. Невозможность ограничения неотъемлемых прав является пределом ограничений, за который государство не может преступить, поэтому эта черта должна быть строго определена как по основаниям, так и процедурно.

Необходимость ограничения прав и свобод подразумевает, что иными способами и средствами достижение цели ограничения прав и свобод невозможно. Этот принцип является дополнительным условием ограничения прав и свобод.

Принцип равенства в ограничении распространяется не только на граждан, но и на общественные отношения, регулируемые правом, в том числе с помощью ограничений, и может быть сформулирован как принцип равенства и единообразного подхода при ограничении прав и свобод личности.

Умаление прав не является законным ограничением прав и свобод, несмотря на то что нормы, содержащие ограничения, могут быть предусмотрены позитивным правом.

Соблюдение принципов ограничения прав и свобод личности образует пределы ограничений прав и свобод. При полном соблюдении всех принципов мы говорим о том, что права и свободы личности ограничиваются в соответствии с правом и законом. Пределы ограничения прав и свобод в законодательстве носят конкретный характер и установлены в регулировании определенных общественных отношений или их групп, но источником установления пределов ограничения должны являться конституционно-правовые принципы ограничения прав и свобод личности.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 4 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Беломестных, Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. Л. Беломестных; Росс. правовая акад. Мин. юст. Рос. Федерации. – М., 2003. – 180 л.
3. United Nations, Economic and Social Council, Siracusa Principles on the Limitation and Derogation Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights [Electronic resource] : U.N. Doc. E/CN.4/1985/4, Annex (1985) // University of Minnesota Human Rights Library. – Mode of access: <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/siracusaprinciples.html>. – Date of access: 22.03.2018.
4. The Limburg Principles on the Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [Electronic resource] : Maastricht, 2-6 of June 1986. UN doc. E/CN.4/1987/17, Annex; and Human Rights Quarterly, Vol. 9 (1987) // ESCR. – Mode of access: <https://www.escri-net.org/resources/limburg-principles-implementation-international-covenant-economic-social-and-cultural>. – Date of access: 22.03.2018.
5. Данилюк, С. Е. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод личности / С. Е. Данилюк // Вестн. Конституционного Суда Респ. Беларусь. – 2016. – № 3. – С. 148–165.
6. Перевезрев, А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дисс... канд. юрид. наук. 12.00.02 / А. А. Перевезрев; Северо-Кавказская акад. гос. службы. – Ростов на/Д., 2006. – 172 л.
7. О правах и основных свободах человека [Электронный ресурс] : Конвенция Содружества Независимых Государств : [заключена в г. Минске 26.05.1995 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : Заключение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 25 марта 1999 г., № 3-77/99 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights, [Electronic resource] : Maastricht, January 22-26, 1997 // University of Minnesota Human Rights Library. – Mode of access: http://hrlibrary.umn.edu/instreet/Maastrichtguidelines_.html. – Date of access: 22.03.2018.

10. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – М. : Юрид. лит., 2005. – 576 с.
11. Рассолова, Е. Ш. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. Ш. Рассолова ; Башкирская акад. Гос. службы и управл. при Президенте Респ. Башкортостан. – Уфа, 2009. – 196 л.
12. Лапаева, В. В. Проблема ограничения прав и свобод прав и свобод гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журн. рос. права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.
13. Червонюк, В. И. Умаление прав как абсолютный конституционный запрет и его правовой смысл [Электронный ресурс] / В. И. Червонюк // Правозащитник. – 2006. – № 1. – С. 56–62. – Режим доступа: <http://pravozashitnik.net/ru/2014/4/24>. – Дата доступа: 01.02.2018.
14. Подгруша, В. В. Конституция и международно-правовые акты как источник формирования правовой позиции Конституционного Суда при разрешении вопросов, связанных с ограничением прав и свобод личности / В. В. Подгруша // Использование международных правовых актов при реализации индивидуальных прав, свобод и законных интересов граждан в национальном законодательстве и право на судебную защиту в Беларуси: проблемы и перспективы : Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2008. – С. 34–36.

02.04.2018